

Ирина Ярич

Вот
и ми́нул год

Сборник рассказов
и миниатюр

Ирина Ярич

**Вот и минул год. Сборник
рассказов и миниатюр**

«Издательские решения»

Ярич И.

Вот и минул год. Сборник рассказов и миниатюр / И. Ярич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903469-4

Все любят мясо курицы и индейки, но мало кто знает, как их выращивают. Об этом узнаете из рассказа «Птицефабрика». А часто ли мы обращаем внимание на тех, кто нас окружает: на работе, в транспорте, при обращении за помощью к специалистам? Посмотрите вокруг, прислушайтесь, что говорят и что делают окружающие вас люди.

Содержание

Птицефабрика	6
I	7
II	11
III	13
IV	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вот и минул год Сборник рассказов и миниатюр

Ирина Ярич

© Ирина Ярич, 2018

ISBN 978-5-4490-3469-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Птицефабрика

(невыдуманная история нашего времени)

I

Сегодня испробовала новый для себя способ загрузки опилок. Моя наставница Александра взяла две большие палки. Оказалось, это носилки. Между палками прикреплена какая-то ткань. В прошлую смену она говорила, что иногда опилки переносят на носилках, но я думала, что меня эта участь минует. Не миновала.

– Иди насыпай, а я пойду за второй лопатой, – Александра вручила мне палки, как победный стяг.

Осторожно обхватила я ношу, которая почти в два раза выше меня, и направилась к закутку, где продолговатой горой желтели опилки.

Когда подошла Александра, я чуть не с гордостью ожидала, ведь к её приходу я уже наполнила носилки. Но...

– Ещё сыпь, – бросила Александра и принялась загребать своей лопатой.

Благо я в выходной день купила респиратор и прозрачные очки в магазине «Спец-одежда», а то бы задыхнулась от пыли и мелкой опилочной трухи и засорила глаза. Замечу, что остальные: Александра и другие птицеводы работают без защитных очков, маски и перчаток.

Насыпаем мы опилки, а горка на носилках мне напоминает могилку, по размеру в самый раз. Как бы мне не загреметь туда на что похожа наша поклажа. Продолжаем процесс. Ассоциации почти те же, на носилках растёт холмик, точь в точь – могильный. Александра разровняла холмик и продолжила насыпать, и мне пришлось тоже. Это уже «саркофаг».

Александра оставила лопату, повернулась спиной к носилкам. Значит, предстоит следующий этап экзекуции. Я в ужасе, потому что сомневаюсь, что поднимем такую махину груза. В опилках ощупью нахожу ручки носилок. Рывок вверх. Удивительно, но поднять удаётся. Тяжело, как бы с ними не завалиться, да ещё цыплята под ногами...

– Живей, – говорит Александра.

– Я боюсь наступить!

– Я дорогу расчищаю.

Да, Александра, как ледокол вклинилась в практически сплошную поверхность из тысяч цыплячьих тел, которые следуют за «мамой», то есть за нами, они сгрудились и с любопытством наблюдают на нашими действиями.

Идём вдоль одной из двух центральных линий поилок. Прошли почти половину расстояния до выхода.

– Опускай руку, – последовала команда Александры. Она наклонила левую руку, потрянула ею, и часть опилок просыпалась слева от нас между двумя поилками.

Так мы шли дальше, пока носилки не опустели.

– Неси, а я разбросаю, – сказала Александра, вручая мне две палки носилок. Сама же принялась горки опилок, которые образовались, ногами расшвыривать и разравнивать более-менее равномерно под и вокруг поилок.

Выбирая, где меньше скопилось цыплят, я пробиралась, на пути приоткрывая респиратор, чтобы легче дышать. В помещении датчики показывали двадцать семь-двадцать восемь градусов тепла. Пот стекал со лба на веки и струился по пыльным щекам.

Широкие деревянные лопаты опять и опять загребают. На ткань носилок сыпется порция за порцией опилок и растёт «могилка», затем «могильный холмик», когда масса по форме напоминает «саркофаг», мы несём насыпать вдоль линии поилок, а их всего на четырёх линиях сто девяносто две.

Время приближается к обеду. Цыплята утомились бегать за нами и повалились в изнеможении. На некоторых из них пришлось опилки просыпать. Я опасалась, что это ухудшит их здоровье и увеличится падёж. Ветеринарный врач сказала, что не стоит на это обращать вни-

мания, работать-то надо, каждого не отгонишь, от опилок не умирают. Отчего же тогда? Мы в прошлую смену собрали полтора десятка мёртвых, один из них был почти плоский, будто катком проехали, то есть цыплятки по нём прошлись, а возможно и спали, как никак их тут (в одном этом помещении) около семнадцати тысяч. В предыдущую нашей смены, погибло уже сорок девять.

Перед тем, как уйти на обед Александра сказала: «с обеда продолжим». Я переспросила: «после обеда»? Наставница повторила: «с обеда». Я так и не понял: когда? Поразмыслив, что до обеда уже не успеем, значит – после.

Да, верно, после обеда экзекуция продолжилась. Добавив опилки под поилки и вокруг них, пришлось ещё почистить от залетевших опилок кормушки, а их тоже сто девяносто две и к каждой надо наклониться. Пока нас двое, а каково одному всё это проделывать?! На этот раз пришлось прочищать не все кормушки, а самые засыпанные. Пот прокладывал дорожки по запылённому телу. Опилки оказались даже внутри карманов, в бюстгальтере, в тапочках и сквозь носки покалывали ступни. Пришлось вычищать, вытряхивать. Опилки залетели, когда мы орудовали лопатами. Спецдежда стала сырой от пота, а местами мокрой.

К сожалению, цыплята продолжали умирать, к 14.20 мы собрали тринадцать штук уже остывших, хотя около девяти утра их было только три. Когда успели умереть, а главное почему?!

– Что сказали ветврачи? – спросила у Александры после ухода исполняющего обязанности главного ветеринарного врача и другого, прикреплённого к зоне выращивания.

– Вот будешь одна работать и спросишь у них, – улыбнулась Александра.

Я смотрела на неё и пыталась определить возраст. Морщины врезались в кожу и видны даже, когда нет мимики и лицо спокойно. Неужели ей за шестьдесят? Нет, наверное, меньше, ощущается молодость, а, возможно, это природная физическая сила. Может быть, лет пятьдесят восемь? Трудно сказать, но явно пенсионного возраста. Ей идёт короткая стрижка. Когда-то русые волосы пересыпаны сединой с остатками какой-то светлой краски. Утром голубоватые тени уже стёрлись, скорей всего их смыл пот. После процедуры ношения и ссыпания опилок заметно утомление, но не ухудшение настроения или упадок духа. Александра не многословна, бывает, отмалчивается или уходит от ответов, а иногда отвечает охотно.

У меня сложилось впечатление, что работники (птицеводы и ветврачи) что-то скрывают, недоговаривают, что-то своего рода неформальное, а, возможно, и не осознанное корпоративное братство, чтобы не выкладывать человеку, которого не знают, всю подноготную специфику. А, быть может, сами точно не могут определить причину падёжа цыплят. Не исключено, что многократно добавляют антибиотиков, их смешивают с водой в специальной системе, которая подаёт жидкость в поилки. Конечно, всё делается не абы как, а по определённой схеме и часть процессов с помощью автоматики от поддержания температурного режима в зависимости от возраста цыплят, а точнее суток их выращивания до перевода по возрастным группам: инкубатор, цыплята до сорока дней, потом до трёх месяцев. Затем их отлавливают и увозят на забой.

Отдельный «двор», на профессиональном сленге птицефабрики, или «домик», как я называю, состоит из большого прямоугольного помещения, где растут цыплята, маленькой бытовки, где находятся стенды с приборами, которые сильно гудят, в том числе и те, что показывают температуру, влажность в птичнике, имеется стол и металлический шкаф (где-то один, в некоторых «дворах» их два) для птицеводов. Перед входом в птичник есть комната, где моют переносные кормушки и сетки, которые ограждают маленьких цыплят в загончики, а также сбоку двери в небольшие комнаты. В одной стоят чистые сетки, дополнительные кормушки и поилки, в других установлены агрегаты, поддающие тёплый воздух в птичник, вентиляционная система. Внешне все «домики-дворы» выглядят одинаково, но внутри расположение комнат, устройство приборов и агрегатов в них по-разному. Отличаются и бытовки, конечно, ни

в одной нет никаких условий для отдыха и расслабления птицеводов от напряжённой физической работы. Нет ни стула с мягким сиденьем, ни кресла, ни диванчика, а только деревянные лавки без спинок (две-три) и табуретка.

Сегодня цыплятам в нашем «домике» идут четырнадцатые сутки. Когда я пришла на первую смену, шли девятые сутки. За эти дни они существенно подросли, больше стало перьев, а жёлто-сероватого пушка меньше. Цыплята пытаются летать, чаще во время бега, будто набирают высоту и вот-вот взмоют ввысь под потолок. Но пробежка со взмахами крыльев заканчивается неспешной ходьбой.

Когда идёшь вперёд, обгоняя всю массу цыплят, оборачиваешься, а за тобой накатывает лавина, по всему помещению спешат пернатые. Желтовато-белёсая волна из множества птенцов обступает и подступает к ногам, стоит лишь остановиться на несколько секунд. Если же пойдёшь в другую любую сторону, то вслед, как железные опилки тянутся к магниту, тесня друг друга, так и цыплята, обгоняя и тесня своих собратьев, следуют по пятам и колышутся плотной массой в зависимости от направления твоего движения.

Когда же выходишь, то большинство скапливается у выхода, и смотрят на дверь. Потом, через некоторое время часть из них утомлённые гонкой укладываются отдыхать на опилки, некоторые засыпают так крепко, что непонятно живы ещё или уже нет, пока не поворошишь, тогда открывают глаза, поднимаются, и качаясь спросонья, идут сами не понимая куда, пока не находят кормушку с комбикормом или поилку и принимаются клевать или пить. Некоторые копают себе ямки в опилках лёжа и что-то выискивают, видимо, согласно инстинкту ищут червячков в земле. Другие, поворачивая от двери, направляются сразу к кормушкам или поилкам, а кто покрепче разминаются в беге и предполагаемом, но неосуществимом полёте.

Мне на днях встретила знакомая, пожаловалась, что оплата фитнеса, куда она ходит по три раза в неделю для похудения, возросла.

– Иди, Наташа, к нам на птицефабрику и не надо тратиться на фитнес и до отупения проливать пот на тренажёрах.

– Ты, Светка, что с ума сошла? Птицефабрика не для меня!

А я подумала, что и мне придётся уходить раньше, чем предполагала. Но Наташе говорить об этом пока не стала. Может быть, удастся сработаться на новом месте.

– А мясо индюшачье любишь? Вон в пакете упаковка с логотипом нашей птицефабрики.

– Сочувствую тебе, Свет, но сама знаешь, у меня есть возможности получше.

– Да уж, – усмехнулась я, потому что с такими способностями как у Натальи занимаются только неквалифицированным трудом, однако же, она «специалист» в одном из структурных подразделений Администрации района. – Зря, – продолжала я, – Ты в своём фитнесе месяцами не можешь сбросить лишний вес, а я за две дневные смены и одну суточную похудела на два килограмма. Ты думаешь-думаешь, чтобы такое сделать для уменьшения аппетита. А у меня от жары в птичнике и от физических нагрузок аппетит сам собой сократился.

– А, что у вас батареи хорошо греют? У нас плохо, приходится обогреватель включать.

– О, бедненькие вы, бедненькие! А в птичнике, слава Богу не как в Сахаре, но маленьким цыплятам надо воздух обогревать, так что первые девять суток температура постепенно изменяется с тридцати одного с половиной градуса по Цельсию до тридцати.

– Ого! Тропики!

– Скорее субтропики. Так, что давай к нам, пока есть вакансии.

– А, зимой там тоже жарко?

– Сейчас, что не зима? Позавчера было двадцать два градуса мороза, а в птичнике в среднем тридцать жары. Представляешь, в пятьдесят два градуса разница! В среднем, потому что там помещение большое и висят четыре датчика, в разных местах температура отличается, зависит от разных факторов, в том числе и от скопления цыплят, и от работы вентиляции.

В общем, автоматика регулирует сама, но птицевод контролирует тоже, если надо вносит изменения.

– Да, у вас там круглый год – лето!

– Куда там, круглый год – курорт!

II

В первую мою дневную смену меня поставили на стажировку к Константину. Цыплята находились в ограждённых округлых загончиках. В каждом из них по три поилки и четыре переносные кормушки. После мороза мне показалось там очень жарко и душно, и через несколько минут я стала задыхаться. А предстояло работать! Что-то делать в таком пекле! И вскоре выяснилось, что именно: наполнять кормушки комбикормом. Константин, уже не молодой, похоже за пятьдесят, среднего роста и худощавый, предварительно загребал из огромной ёмкости и носил двумя большими вёдрами, килограмм на двадцать каждое через всё помещение, чтобы наполнить сначала дальние от входа кормушки. Мы с ним пересыпали в десятилитровые вёдра, он отправлялся за следующей порцией, а я рассыпала по кормушкам. Когда я не успевала освободить вёдра, то Константин тоже высыпал. Длина помещения около ста семидесяти шагов, небольших, но всё же. Скоро начала ныть поясница, а работа только началась.

Казалось, что кормушки никогда не закончатся. Чтобы зайти в загончик надо переступить металлическую сетку – ограждение, следовательно, тяжёлое ведро надо приподнять и успеть поставить ногу, пока под неё не прибежал цыплёнок. Однажды, уже через несколько дней я нечаянно почти наступила, то есть только поставила ногу на пятку и стала опускать, и в тот же момент туда побежал цыплёнок. Я почувствовала, что под ногой что-то есть, благо я не опустила её полностью и не встала, а только придавила немного. Всё произошло за доли секунды. Взяла цыплёнка, он, как ни в чём не бывало, озирался и смотрел на меня. Опустила на пол, но в другой загончик к более слабым, он пошёл нормально. Но дальнейшую его судьбу трудно проследить, цыплята для меня все похожи и трудно отличить одного от другого.

Руки отваливались, пальцы с трудом удерживали ручки вёдер, спина ломилась, поясница ныла, и я опасалась, что рухну с ведром комбикорма на цыплят и уже очень сомневалась, что выживу от такой работы.

С раскрасневшимся, почти пурпурным лицом, учащённым дыханием и едва держась на ногах, я выбралась из птичника после того как заполнили все кормушки. Константин тоже был утомлён, хотя старался не показывать этого. Но и на его лице всё же отражалась усталость.

После перерыва, особенно после обеда, приятно дешёвого и вполне съедобного, даже местами вкусного работа почти перестала пугать, хотя сомнения в своей выживаемости ещё остались.

Константин ездил на работу из села, расположенного более чем в двадцати километрах от птицефабрики и автобусы оттуда ходят редко. Раньше это село являлось одним из крупных сельскохозяйственных центров района, теперь же там работы практически не осталось. Из преимуществ, которые удерживают Константина на птицефабрике, несмотря на то, что его слесаря, как и других, перевели в птицеводы, это оплата транспортных расходов и почти символическая плата за обед – двадцать рублей.

Конечно, выбора блюд нет, что приготовили, то и ешь, если хочешь. Комплексный обед. Надо признать, что каждый день меню не повторяется. Первые и вторые блюда готовят на основе того, кого выращивают – из индейки.

Вторым испытанием в тот же день стала насыпка опилок в мешки, которые Константин намеревался вечером рассыпать в загончики у поилок и под ноги цыплятам, чтобы им было теплее и, чтобы было где покопаться, да и присыпать их «отходы жизнедеятельности». Я оказалась выше мешков на голову, некоторых ещё меньше, поэтому пришлось держать каждый мешок практически перед своим лицом. Константин загребал опилки широкой деревянной лопатой и пересыпал в мешок.

После каждого ворошения опилок и высыпания поднимался вихрь мельчайшей струхи и пыли. Отворачивала лицо и прикрывала глаза, но не помогало. Ещё первый мешок не успели наполнить, а у меня уже запершило в горле. Мы насыпали мешков десять не меньше.

Рядом у торцевой стены лежали стопки полупрессованных опилок в прозрачных мешках.

– Почему эти не взять? – спросила я у Константина.

– Они очень тяжёлые.

В этом я скоро убедилась. Надо было вытаскивать и сбрасывать их, подвигать к Константину. Тот разрывал плёнку и высыпал, что было гораздо тяжелее, вытряхивал опилки из неподъёмных мешков. Вырастала гора, вдоль дальней от выхода торцевой стены. Я предположила, то был запас для следующей смены и частично использованный нами.

Когда я шла от проходной к остановке автобуса, то у меня возникло ощущение, что попала на каторгу. Говорить стало трудно, в горле пересыхало и першило. На следующее утро заметила прыщ, потом другой – от многочасового нахождения среди пыли и пота. Это не все последствия, появилось какое-то странное покашливание и закончилось после того, как выплюнула зеленоватый сгусток мокроты. Как бы, не навредить лёгким и бронхам?

III

На птицефабрику на собеседование в отдел кадров впервые поехала, не зная дороги, то есть в интернете выяснила адрес и каким рейсовым автобусом ехать. Но в той деревне оказалось четыре остановки, на какой их них надо выходить, не известно. К тому же решила ехать к началу рабочего дня, чтобы определить, как и сколько добираться до предполагаемого места работы.

Зима. Утром ещё темно. В автобусе остановки не объявляют и где же выходить? Обратилась к водителю:

– Подскажите, где выходить, чтобы ближе к птицефабрике?

– Там почти весь автобус выйдет, – сказал он, выдавая мне билет.

За окнами сплошная темнота чередовалась с тёмно-серыми прогалинами – заснеженными полянками. Иногда мимо проносились кривые светлые линии разной толщины – заснеженные ветви леса, что тянулся вдоль дороги.

Действительно, минут через двадцать на очередной остановке вышло из автобуса большинство пассажиров. Толпа перешла дорогу, и многие вырвались вперёд, видимо, чтобы не опоздать. Это в будни. В воскресенье видела, как толпа шла спокойнее и не торопилась. Через несколько десятков метров пути воздух изменился. Ощущался какой-то трудноопределимый запах, сказать, что был приятным нельзя.

Когда подошла к проходной, а время пути от остановки занял десять минут, люда, что шёл впереди, уже не осталось, лишь на автостоянке замерли машины. Я подумала, что нет ещё и восьми, а большинство уже на работе. Рвение или вынужденная необходимость?

В отделе кадров заведующая встретила любезно. Сначала, мол, может показаться тяжело, а потом втянитесь. Если же не понравится, то в выходные дни поищите другую работу. Позвонила начальнику зоны «А», чтобы та показала и рассказала суть должностных обязанностей. Объяснила, как туда пройти, куда повернуть, чтобы добраться.

На территории воздух более насыщен странным запахом, не поддающимся определению. До назначенного места пришлось идти часть пути по дороге среди леса, но от этого воздух не особо посвежел. Прошла ещё две проходные. Путь от первой, главной проходной до третьей занял двадцать пять минут.

Навстречу мне шла худощавая женщина. Не знаю, сколько ей лет, но выглядела явно за шестьдесят, возможно, даже ближе к семидесяти. Повела в «домик». Оттуда пахло специфическим запахом, точнее смешение запахов: цыплят, а у них есть свой запах, их помёт, опилок, комбикорма и, возможно, ещё чего-то. Открыла дверь в центре «холла» и предстало огромное прямоугольное помещение, где рядами висят какие-то устройства, как потом узнала это поилки и кормушки, а между ними всё пространство занимали цыплята. Казалось необозримое количество и все устремили взгляды на тебя! На голоса к открытой двери помчалась вся масса пернатых: тысячи и тысячи! Как же туда входить? Они так плотно столпились, что ногу поставить некуда! И ещё оттуда пахло жаром или мне показалось после мороза...

Да, начальник, Вера Петровна не скрывала, что работать здесь тяжело, что надо мыть кормушки и поилки, в первые девять суток жизни цыплят надо сыпать комбикорм вручную, к тому же каждую смену рассыпать опилки. Только она не сказала насколько это всё тяжело. А перечисления не показались такими уж тяжкими. Вера Петровна не дополнила, что вручную надо перенести комбикорма не десятки, а сотни килограммов в суточную рабочую смену; рассыпать десятки килограммов опилок; чтобы помыть поилки, слить из них загрязнённую воду с лекарством или витаминами и очистить кормушки от опилок и помёта придётся нагнуться минимум шесть сотен раз и всё это при температуре в лучшем случае около трёх десятков

градусов, когда цыплята подрастут, а первые дни температура составляет в среднем не менее тридцати одного с половиной градуса.

Что же понять можно, работников не хватает, что при такой малой зарплате и подобных условиях труда не удивительно, поэтому, мол, пусть хоть кто-то и хоть сколько поработает, тем самым облегчит труд другим.

Трудности меня никогда не пугали, и на этот раз решила поработать, но, если для органа станет опасно, то, конечно, уйду.

На обратном пути, когда возвращалась в отдел кадров, сзади услышала шаги. Двое рабочих обогнали меня, они несли лопаты. Один из них куда-то свернул и быстро потерялся из вида. Другой, намного старше, лет около семидесяти или и того больше (замечу, что работники физического труда здесь выглядят старше своих лет, поэтому трудно определить истинный возраст) почти поравнялся со мной и оказался любопытным и разговорчивым. Не могу привести весь диалог полностью, потому что его речь большую часть составляли нецензурные слова.

После того, как он услышал ответ на свой вопрос: «Куда устраиваешься?» издал такой взглас, который выражал не только неодобрение, но и предупреждение и сочувствие. Потом разоткровенничался, что цыплята дохнут, причём много и, что врач плохой, потому что сам не знает какое давать лекарство. В общем, судя по его тону, напрашивался вывод, что работа не только не перспективная и не прибыльная, а ещё и спрос чрезмерный.

Мужчина свернул в какое-то приземистое здание, а я шла и думала: «Может быть, это знак и не стоит сюда устраиваться, а уйти сразу?» Непроста мне встретился этот человек, наверняка это было предостережение и, возможно, в его словах и интонациях истинное настроение работников птицефабрики – недовольство, неуважение. Никому не нравится тут работать, но в силу разных причин вынуждены терпеть.

Но я не ушла сразу, быть может, и зря, потому что всё же ушла потом.

IV

На второй рабочий день вышла опять в дневную смену по распоряжению Веры Петровны. Когда пришла в тот же «домик-двор» №24 там уже работа кипела. После предыдущих суток остался Константин, пришёл на помощь парень из «двора» №23. Третьей была Зина, моя очередная наставница – молодая, маленькая и худощавая, от которой слегка пахло спиртным. В тот день выпускали цыплят из загончиков. Это большая и трудоёмкая процедура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.